

АРТЕФАКТ

&

ДЕТЕКТИВ

В золотых часах,
принадлежавших
знаменитому
криминальному
авторитету, хранится
карта подлинных
сокровищ...

Ольга БАСКОВА

Брегет хозяина Одессы

Артефакт & Детектив

Ольга Баскова

Брегет хозяина Одессы

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Баскова О.

Брегет хозяина Одессы / О. Баскова — «Эксмо»,
2020 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-109584-0

Известный криминальный авторитет был настоящим хозяином Одессы. Его почитали, боялись, боготворили. Он, как Робин Гуд, грабил богатых и защищал бедных. За свою жизнь он скопил настоящие сокровища и укрыл в неизвестном месте, а карту спрятал в свои золотые часы, которые потерялись перед самой его смертью... С отцом – известным адвокатом – Сергей не общался с самого детства, когда тот бросил их с матерью. Поэтому когда Олег вдруг пригласил Сергея в ресторан, молодой человек сомневался, стоит ли ехать. Тем не менее он пришел на встречу – высказать родителю все, что о нем думает. А вскоре после этого отца убивают, и все улики указывают на то, что это сделал Сергей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109584-0

© Баскова О., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ольга Баскова

Брегет хозяина Одессы

Пролог

1918 год, между Киевом и Вознесенском

Дмитрий Молдавский, известный всей Одессе как Митька-Китайчик, первый и единственный бандит, запретивший своим людям убивать, сидел в вагоне, вытирая пот с желтого рябого лица, и напряженно размышлял. Как получилось, что он чуть не погубил своих людей, много лет служивших ему верой и правдой? Попытка их спасения обернулась гибелью для половины его отряда. Теперь он ясно понимал: его приход к большевистскому генералу Фомину был роковой ошибкой. Но в те далекие дни ему казалось, что единственный выход – не бороться против большевиков, не сдаваться и не дожидаться, пока они перестреляют всех его людей, а прийти к Фомину и предложить свои услуги. Он нервно усмехнулся, вспомнив вытянутое от удивления лицо генерала, когда король Одессы вошел к нему в кабинет.

– Вы Дмитрий Молдавский? – спросил Фомин, будто не веря своим ушам (минуту назад красноармеец доложил ему о приходе Китайчика).

Митька послал ему самую любезную улыбку. Вся Одесса знала его как очень вежливого и галантного человека. Угрозы он тоже умел произносить вежливо.

– Таки да, я, – ответил Китайчик, блеснув ровными белыми зубами, такими ровными, что позавидовала бы сама Вера Холодная. Фомин повернулся к молодому безусому красноармейцу, застывшему в углу большого кабинета, и коротко бросил:

– Обыщи его. Найдеши оружие – заberi.

Митька снова усмехнулся, понимающе кивнул, будто ожидал, что Фомин именно так и поступит, и покорно поднял руки. Адъютант генерала, покраснев, не сразу решился прикоснуться к королю Одессы, о котором столько слышал. Еще бы, одесская беднота боготворила Митьку, называя Робин Гудом. Генералу не понравилось промедление подчиненного. Он увидел в этом уважение к бандиту.

– Что встал как истукан? – буркнул он. – Я же приказал – обыщи.

Красноармеец еще несколько секунд потоптался на месте, потом решительно шагнул к Митьке и принялся тщательно его обыскивать. Но у главаря одесских бандитов не было никакого оружия.

– Он чист, – отрапортовал адъютант и облегченно вздохнул.

Митька улыбнулся ему и подмигнул:

– Было бы верхом безумия прийти сюда с оружием. Я пришел с миром, генерал. Позвольте мне сказать, что послужило причиной этого визита.

Фомин, слюнявя самокрутку, кивнул, пристально глядя в лицо неожиданного посетителя:

– Я слушаю тебя.

Он не предложил Митьке сесть, словно подчеркивая разницу между ними. Пусть Китайчик и король Одессы, для большевиков он самый настоящий бандит, которого давно следовало бы расстрелять. Китайчик и глазом не моргнул, продолжая как ни в чем не бывало:

– Да, я пришел без оружия, но не отрицаю, что оно у меня есть – и в большом количестве. А еще у меня есть деньги – тоже в большом количестве. Но самое главное – у меня есть люди. И мы готовы служить большевикам.

Фомин в изумлении откинулся на спинку стула, издавшего жалобный скрип. Его узкое лицо сначала покраснело, потом побелело. Казалось, он раздумывает, как действовать дальше. Никогда еще бандиты такого масштаба не предлагали свою помощь. Что же делать? Он вскинул серые глаза на Митьку, который стоял перед ним как ни в чем не бывало, пощипывая черные усы.

– Мне бы крайне желательно было услышать ваш ответ, – ласково заметил Китайчик, и генерал усилием стряхнул с себя оцепенение.

– Такие решения я не принимаю в одиночку.

Фомин лукавил. Ему не хотелось брать на себя ответственность в таком важном и необычном деле. Пусть решает высокое начальство.

– Подожди в коридоре, – буркнул он и повернулся к красноармейцу: – Выведи его.

Китайчик отметил про себя, что генерал не сказал: «Проводи», – и уголок его рта нервно дернулся. Его приход и выгодное предложение не заставили Фомина относиться к одесскому королю с бо́льшим уважением. Что ж, лишь бы начальник этого генералишки дал добро.

Он с достоинством вышел из кабинета, пропахшего ваксой и махорочным дымом, и прислонился к холодной стене коридора. Красноармеец не сводил с него взгляда, но в нем читались не гнев или пренебрежение, а любопытство. Подумать только, сам Митька-Китайчик к ним пожаловал! Сквозь неплотно прикрытую дверь кабинета доносились обрывки разговора. Фомин то и дело повторял:

– Да, товарищ Якир. Слушаю, товарищ Якир, – а потом, положив трубку на рычаги, пригласил Митьку и адъютанта.

– Не скажу, что я в восторге от твоего предложения, – он старался не смотреть Китайчику в глаза, – но мое начальство считает: следует принять его. Отныне твоя банда станет отрядом Красной армии. И горе тебе, если в твоей голове крутятся какие-нибудь идиотские мысли.

Стоило ли говорить, что генерал снова был вознагражден самой обаятельной улыбкой? Из здания Молдавский вышел красным командиром и с высоко поднятой головой прошептал по грязным одесским улочкам. Митьке дали отряд и назвали его довольно помпезно: «Пятьдесят четвертый советский отряд имени Ленина». Китайчик и сейчас усмехнулся, вспомнив об этом. Подумать только – две тысячи бандитов и головорезов – отряд имени Ленина! Он понял, почему Красная армия пошла на такой шаг. Тогда, летом 1919 года, создалась очень неблагоприятная обстановка для большевистского правительства. Белогвардейцы, словно опомнившись от многочисленных поражений, потянулись с Дона и Кубани, ударили по Харькову и отправились на Москву. Разумеется, чтобы их остановить, требовались большие силы. И Красная армия хваталась за любую возможность. Почему бы и не бандиты, раз они готовы помочь?

Их стали готовить к предстоящим сражениям. Несколько месяцев бандитов и головорезов обучали военному делу, проводили политзанятия, стараясь воспитать преданных граждан нового государства. Митька понимал, что это пустая затея. За годы грабежей у его ребят сформировалось свое видение мира. Они откровенно зевали в лицо политкомиссарам, отлынивали от занятий, однако их прощали и строго не журили: вскоре им предстоял бой.

Когда они получили приказ отправляться на фронт, он, Митька, устроил прощание с Одессой-мамой. На родной Молдаванке Китайчик накрыл невиданное количество столов. Одесса гуляла до утра. Некоторые «бойцы» его доблестного отряда так напились, что перед отправкой их пришлось искать по разным хатам, но в поезд сели все – больше двух тысяч человек. По дороге вояки протрезвели, раздались недовольные возгласы: «Что ты придумал? Не станем воевать. Нам и в Одессе было хорошо». Митька, как мог, старался их удержать, но его не слушали, прыгали прямо с поезда. До места назначения доехали всего семьсот человек. Правда, командир дивизии Якир ничего не сказал, видно, был рад и этому. Он коротко бро-

сил Китайчику, что через несколько дней его ждет бой с петлюровцами. По глазам комдива было видно: он не верит в успех. Где уж отряду бандитов дать отпор хорошо вооруженным и подготовленным бойцам? Тем неожиданнее для всех стала победа «Пятьдесят четвертого советского отряда имени Ленина». Участники одесских стычек, его головорезы разгромили врага. Митька помнил: они радовались как дети, и только он, прислонившись к холодному морицинистому стволу вяза, хрустел пальцами от бессильной злобы, словно в безумии повторяя: «Это конец, это конец!»

Да, это конец, раз снова кровь. Он, не выносивший вида крови и всегда старавшийся избежать кровопролития, сам пришел к этому и оказался в кровавом кольце, вырвать из которого могла только смерть. Новая власть признавала только насилие, с ней невозможно было договориться.

С силой сорвав тонкую лозу с серебристыми листьями, Китайчик побрел к своим, сознавая, что с ними ни в коем случае нельзя делиться собственными грустными мыслями. Они непредсказуемы, могут черт знает что натворить и только усугубить и без того печальное положение. О как он оказался прав! Красной армии победа не пришлась по душе. Сделать героями одесских бандитов? Об этом не может быть и речи, свора Китайчика способна отрицательно повлиять на остальных бойцов.

Конечно, больше всего боялись его самого. Он – одесский лидер, своего рода легенда, ему многие стремились подражать. Отстранить его от командования нельзя, значит, выход один – только убить, уничтожить – и как можно скорее. Когда вокруг идут кровопролитные бои, незачем забивать голову, как покончить с немногочисленным отрядом. Экс-головорезов ждал бой с батькой Махно. Китайчик с болью вспомнил, как отправлялись на него его люди – с достоинством, исполненные гордости. И только он чувствовал, что новое задание – это смерть.

И здесь интуиция не подвела. Его жалкий отряд столкнулся с многотысячным войском махновцев. Бывшие бандиты попали в мясорубку и дрогнули, побежали. Обещанное подкрепление, которого с надеждой ждали одесские головорезы, не пришло. Бывшие бандиты, в дыму и копоти, кричали хриплыми голосами:

– Измена! Измена! – А их бравый командир впервые в жизни не знал, что делать. В том, что случилось, он винил прежде всего себя. Это было его решение – служить новой власти, и оно привело в тупик.

В том бою Митька потерял половину своих людей и словно обезумел. Он виноват в их гибели! Только он – и больше никто. Они доверяли ему, а он завел своих ребят в ловушку. На его руках кровь, которой он всегда боялся.

Митька зажмурился, словно горячее августовское солнце (ах как хороши август в Одессе!) выстрелило ему в лицо огненными лучами. Перед глазами, как живой, возник отец, затоптанный конем, не переносившим запаха алкоголя. В тот роковой день маленький Митя впервые увидел кровь и потерял сознание. Во второй раз ему стало плохо от ее вида, когда анархисты заставили его убить полицмейстера Одессы. Китайчик смастерил бомбу, которая разорвала ненавистного офицера в клочья. Тогда будущий король портового города дал себе клятву – никогда никого не убивать, и клятву эту сдержал. Сдержал до сегодняшнего дня.

Митька посмотрел в окно поезда, на убегающий унылый пейзаж, и подумал, что мог бы бежать. Его денег хватило бы на переход линии фронта. А потом – за границу, к любимой жене Саре... От этих мыслей его передернуло. Да, он бандит, головорез, но не подлец. Вот так оставить своих людей, которых сам же завел в ловушку... Нет, если суждено погибнуть, он примет смерть с честью...

В разгоряченном мозгу снова закружились воспоминания. После неудачного боя его вызвал генерал Фомин, приехавший в штаб, и был с ним подчеркнуто вежлив. Китайчик понял, что подтвердились его худшие подозрения. Большевистский начальник говорил о новом зада-

нии для его отряда, но Митька знал: никакого нового задания не будет, их уничтожат. Уничтожат по дороге, раздавят, как клопов. Выйдя от генерала, бросившего напоследок на бандита убийственный взгляд, Китайчик собрал оставшихся в живых людей и приказал им возвращаться домой.

– У меня к вам одна просьба, – сказал он на прощание, – помните о том, что убивать – это плохо. Если вы продолжите бандитствовать, пусть все будет без кровопролития. Кровь никогда не приводит ни к чему хорошему.

Изнуренные последним боем, его люди с жалостью смотрели на своего командира. Они понимали: Митька что-то придумал и ценой собственной жизни спасает их. Вперед выступил головорез по кличке Атаман, украшенный боевыми шрамами, полученными еще в стычках на улицах Одессы.

– Ты разве не с нами? – коротко спросил он Китайчика. Митька покачал головой. Ветер взъерошил его черные, с ранней проседью волосы.

– Нет, у меня своя дорога, прощайте. – Он резко развернулся и быстро пошел, стараясь не оглядываться. Все бросились за ним.

– Мы не оставим тебя. – Атаман, поравнявшись с командиром, положил ему на плечо тяжелую загорелую руку. – Скажи, что ты задумал? Знаешь, я все равно не отстану.

Китайчик улыбнулся. Да, кто-кто, а он знал Атамана как облупленного.

– Хочу постараться спасти хоть кого-нибудь, – признался он. – Гибнуть всем нет смысла. Если хочешь – пойдём со мной, но учти: это верная смерть.

Атаман усмехнулся, обнажив щербинку между желтыми от махорки передними зубами:

– А какая наша жизнь? Все равно или пуля догонит, или шапка. Днем раньше, днем позже – какая разница? Я свое отжил. Говори, что собираешься делать.

– Мне бы еще две сотни, – Митька оглядел столпившихся возле него подельников. Все они выразили готовность погибнуть вместе с ним.

– Это бессмысленно, – ответил Китайчик. – И в таком случае я, как ваш командир, которого никто не снимал, сам приму решение.

Он отобрал сто сорок преданных, много лет служивших ему верой и правдой людей, остальных отпустил домой, а на следующий день остатки его отряда, знавшие о дерзком плане короля, погрузились в поезд. На полдороге Митька с револьвером ворвался к машинисту, приставил холодное дуло к виску растерявшегося старика и крикнул:

– Гони в Одессу, быстро!

Дрожавшими руками побелевший машинист еле справился с управлением.

– На Одессу? – уточнил бандит, не отнимая револьвер. Старик закивал, большая голова с включенными седыми волосами затряслась на жилистой шее. Китайчик усмехнулся, убрал оружие и похлопал его по спине:

– Молодец!

– До Одессы ведь не доберемся, – пробурчал машинист.

– Не твое дело, отец, – Митька подмигнул, – гони домой.

Разумеется, он прекрасно знал, что родного города ему не видать как своих ушей. Но снова почувствовать себя свободным, как когда-то, пусть и ненадолго, – разве это не здорово? Митька изучал каждое дерево за окном, каждое поле, каждую речонку, каждую пожухлую травинку. Когда поезд резко затормозил, он дернулся и прошептал:

– Все кончено, – быстро сунул руку в холщовый мешок, достал буханку черного мягкого хлеба и, отрывая корочку, принялся прятать в мякише дорогую ему вещь – золотые часы, подаренные любимой женой. Они ни в коем случае не должны достаться большевикам!

Вскоре вагон наполнился криками, угрозами, топотом кирзовых сапог, через секунду на него смотрело узкое дуло винтовки, и молодой красноармеец, наверное его ровесник, крикнул так, что заложило уши:

– Выходи из поезда!

Король Одессы покорно исполнил приказание. Теперь его могло спасти только чудо... Но чудеса в жизни так редко бывают! Почему бы в таком случае еще раз, пусть последний, не испытать судьбу? Когда-то она была к нему очень даже благосклонна.

Спустившись, Митька увидел большой вооруженный отряд красноармейцев, отбравших оружие у его людей. Его ровесник, не опуская винтовку, снова буркнул:

– Ты арестован!

Митька опустил голову, словно со всем соглашаясь, потом, уловив момент, когда красноармеец, не ожидавший от него дерзости, отвлекся, нагнулся и быстро побежал вдоль поезда. Краем глаза он видел, как за ним рванул один из его людей, но тут же упал, пытаясь зажать рану на груди. Китайчик ускорил бег, уворачиваясь от пуль, свистевших вдогонку, и, нырнув под товарняк, выскочил с другой стороны. Он увидел, что на небольшом холмике сидит бедно одетый мальчик лет десяти, по виду – беспризорник, и, размахнувшись, бросил ему буханку:

– Держи, шкет. И вспоминай Митьку-Китайчика!

Мальчик, сначала дернувшись от испуга, заматал головой, потом протянул руку за буханкой, упавшей между рельсами. Это все, что успел заметить Дмитрий Молдавский. Одна из пуль, щедро раздаваемых красноармейцами, настигла его, и он упал, уткнувшись побелевшим лицом в пропахшие маслом шпалы. Его преследователи издали радостные возгласы и подбежали к телу, не обращая на мальчишку никакого внимания. А тот, удивленный, осторожно доставал из буханки золотые часы. И, разумеется, никто не заметил, как какой-то мужчина, неведь откуда взявшийся, подбежал к ребенку, с силой толкнул его, вырвал часы из тонкой прозрачной ручки и в мгновение ока растворился между составами.

Глава 1

Вознесенск, 1965

Эмилия Ефимовна открыла старый кошелек из коричневого кожсама, который когда-то покойный муж подарил на день рождения (лучше бы деньги подарил), взглянула на его жалкое содержимое и сокрушенно вздохнула. Утром позвонила невестка и безапелляционным тоном заявила, что прилетит к ней внучку Галю на осенние каникулы. Стерва, как была, так и осталась, правильно сынуля ее бросил. Правда, и лучше не нашел, его меняющиеся любовницы – хабалки какие-то необразованные, работают черт знает кем, поговорить с ними не о чем. Да и внешне кошмар какой-то – сразу видно, что легкого поведения.

Одна даже к ней приезжала, коза облезлая, наверное, надеялась, что приглянется и мать заставит сына жениться. Как же, разбежалась! Даниил сам не ахти зарабатывает, матери помочь не может, она на грошовую пенсию перебивается. Впрочем, иногда он подкидывает рубликов пять, когда ему халтурка какая подвернется, скажем, коллега по институту зовет вагоны разгружать. В этом месяце ничего не подкинул, поэтому в кошелке жалкая десятка от пенсии осталась, завтра Нинка, внучка, придет, хотелось бы ее чем-нибудь вкусненьким побаловать, да не один денек, а недельку, да вот на десятку-то не шибко разгуляешься. Само собой, придется на рынок ехать, а цены там кусаются. Эмилия Ефимовна поправила платок на голове, нахмурилась и тяжело поднялась с дивана. Придется опять идти к соседу, часовщику Моисею Григорьевичу Гольдбергу. У него – и это знали все в округе – всегда водились деньжата. Это и неудивительно. Во-первых, профессия прибыльная. Сейчас часы, что наручные, что настенные, в каждом доме. Для любого человека часовщик почти небожитель. Сломаются часы – он вскроет их при помощи специальной отвертки, заглянет внутрь и, натянув на лоб шлем с увеличительным стеклом, начнет колдовать над механизмом, ковыряя его какими-то причудливыми инструментами. Это надо же – знать, как работает каждая пружинка, каждое колесико. Такой труд, безусловно, заслуживал уважения и денег.

Женщина знала, что Гольдберга соседи часто сравнивали с ювелиром, и, как ни странно, такое сравнение ему не нравилось. «Ювелир имеет дело с безжизненным куском золота или камнем, – отвечал он, – я же – с живой вещью».

Во-вторых, он один как перст, жена давно умерла, детишек не нарожали, иногда племяннице подкидывает, да она не слишком нуждается, взрослая уже, замужем. Муж по виду человек солидный, чай, не бедствуют.

Кряхтя и потирая больную поясницу, отозвавшуюся тупой болью, пожилая женщина вышла во двор и направилась к дому Гольдберга. Она нисколько не сомневалась, что сосед ей не откажет. Сколько лет друг друга знают, дома бок о бок стоят, да и не обманывала она его никогда, всегда возвращала с пенсии. Поднявшись на крыльцо, Эмилия Ефимовна постучала в дверь, обитую кожаными дерматином, и прислушалась. Обычно через минуту слышалось шарканье, и Моисей Григорьевич с неизменной широкой улыбкой открывал дверь. Сегодня он что-то не спешил. Эмилия Ефимовна постучала еще раз, прикинув к холодному дерматиону. Там, за дверью, никто не торопился открывать, не шаркал, не пыхтел, и пожилая женщина, спустившись с крыльца, поплелась за дом, где у Гольдберга был маленький огород.

– Моисей Григорьевич! – позвала она с капризной ноткой в голосе. – Вы где, Моисей Григорьевич?

Старый часовщик не отозвался, Впрочем, она и сама скоро увидела, что там никого нет, лишь наглые вороны копошились в блеклой слежалой листве, пытаясь отыскать в ней что-то привлекательное только для их вороньего сообщества.

– Может, вышел в магазин?

Она прислонилась к стволу старой кривой сливы, словно пытаясь укрыться от холодного осеннего ветра. Небольшой гастроном находился совсем недалеко, на соседней улице, если часовщик отправился за продуктами, то не пройдет и двадцати минут, как он вернется. Эмилия Ефимовна закрыла глаза, будто задремала. Завтра нужно Нинку встретить, узнать, когда ее автобус приходит, а сегодня сбегать на базар, купить курочку домашнюю – внучка очень любит куриную лапшу, взять говядинки и свинины, котлетки пожарить. Хорошо, что картошка и лук у нее свои, с огорода, картошечка рассыпчатая такая после варки, маслом запаришь – за обе щеки трескается внученька.

Так, в своих мыслях, женщина простояла больше двадцати минут, а потом, с трудом оторвавшись от ствола, удивленно огляделась по сторонам. Странно, но часовщик не появлялся. Может быть, отправился к племяннице? Да нет, как-то он разоткровенничался с ней и рассказал, что в дом к племяннице ни ногой – мужа ее не терпит.

Эмилия Ефимовна снова подошла к крыльцу соседа и посмотрела на окно, завешенное белым тюлем. Ей показалось, что занавеска шевельнулась. С завидной быстротой она рванула к дерматиновой двери и дернула за ручку. К ее удивлению, дверь открылась с каким-то жутким скрипом, и пожилая женщина вошла в темный коридор. Странно! Моисей Григорьевич всегда запирает дверь. Может быть, ему стало плохо? Эмилия Ефимовна заторопилась в гостиную:

– Моисей Григорьевич, вы где?

Тишина, страшная, липкая, окутала ее, словно паутина, и соседка почувствовала дрожь в коленях.

– Моисей Григорьевич! Что с... – споткнувшись о что-то, лежавшее на полу, женщина остановилась как вкопанная. Часовщик лежал на ковре, неестественно подогнув правую ногу, широко раскрытые невидящие глаза уставились в потолок. Соседка охнула и побежала в сад, хромя, как подстреленная птица.

– Гольдберга убили! – истошно закричала она, и в ответ ей каркнула ворона. – Убили, убили!

Эмилия Ефимовна заскочила в свой дом и, схватив трубку телефона, быстро принялась набирать короткий номер. Руки ее дрожали, пальцы не слушались, но она поборолась дрожью и, когда в трубке раздался суровый голос: «Милиция», – выпалила:

– Человека убили! Скорее приезжайте!

Глава 2

Южноморск, наши дни

Сергей Ивашов бегло пересмотрел дело, с которым собирался выступать в суде, и взглянул на большие стенные часы, оставшиеся от прежнего арендатора офиса, тоже адвоката. Его всегда удивляло, почему предшественник вынес все, что приобрел за пять лет работы, оставив только эту вещичку? Может быть, она не вписывалась в интерьер его нового загородного дома? Или они мешали ему спать, добросовестно отбивая каждый час? Как бы там ни было, Сергей не возражал. С часами он нашел общий язык, порой разговаривал с ними, советовался, делился переживаниями. Вот и сегодня, убрав в шкаф дела, он коротко сообщил:

– Все, дорогие мои, рабочий день окончился. Мой, по крайней мере.

Часы ответили дружелюбным тиканьем. Подойдя к двери, Ивашов окинул взглядом маленькое помещение, всю обстановку которого составляли лишь письменный стол и два стула – для него и для клиентов, – дернул на себя позолоченную ручку, и в этот момент зазвонил телефон.

– Интересно, кому я понадобился в такое время? – Ивашов, выудив мобильный из кармана, посмотрел на дисплей. Незнакомый номер. Кто это? Новый клиент? – Слушаю, – четко произнес он, и на том конце сразу отозвались:

– Сережа, здравствуй.

Голос был мужской, сочный, знакомый, и Ивашов растерянно ответил:

– Здравствуйте. А с кем я разговариваю?

Мужчина заволновался, задышал:

– Только прошу тебя, не отключайся, выслушай. Я твой отец, Сережа.

Ивашов хихикнул, сразу придя в себя. Вот те на, папаша объявился! Восемнадцать лет не желал знать о его существовании, уйдя к другой женщине, когда Сергею исполнилось десять, а теперь в почтенном возрасте в нем пробудились отцовские чувства. Или он хочет, чтобы сын представлял его интересы?

Сергей частенько слышал фамилию родного папаша, своего коллеги, из советских милиционеров переквалифицировавшегося в адвоката, ставшего довольно известным, завсегдаем светской хроники города. Смешно предположить, чтобы он решился обратиться к сыну за юридической помощью.

– Я вас слушаю, – выдавил молодой человек, стараясь вложить в эту фразу все свое презрение.

– Сережа, не отказывайся, давай встретимся, – быстро заговорил Ивашов-старший. – Если ты на меня в обиде, прости за все. Ты мне очень нужен, мой мальчик. Я попал в сложную ситуацию и только тебе могу довериться. Жду тебя в кафе на Екатерининской через полчаса. Мне известно, где твой офис. Кафе в двух кварталах от него.

Он отключился, не дав сыну прийти в себя и не принимая возражений. Сергей немного постоял в раздумье, потом закрыл дверь, спустился к своей машине – новенькому, взятому в кредит «Рено», и, усевшись на водительское сиденье, погрузился в раздумья.

Отец не зря боялся, что сын откажет ему во встрече: слишком подло он вел себя с матерью, да и с ним. Еле-еле дослужившись до капитана (после школы у него не было возможности поступать на юрфак, пришлось довольствоваться средней школой милиции), отец через некоторое время решил все же штурмовать университет. К удивлению семьи, его взяли, без всякого блата и денег. Сначала папаша поступил на заочный, думая продолжить работу в милиции, но это у него не получилось. Прежняя должность оперативника требовала полной отдачи, отец уволился и перевелся на дневной. Все заботы о семье легли на плечи матери, хрупкой малень-

кой женщины, работавшей медсестрой в городской поликлинике. Она взяла две ставки, кроме того, ходила по домам, делая уколы лежачим больным. От непосильной ноши женщина еще больше похудела и как будто стала меньше ростом. И папаша, здоровый красавец, с небесно-голубыми глазами и пшеничной гривой, стал посматривать на нее с неодобрением, а потом влюбился в однокурсницу, дочь прокурора, и ушел к ней, поставив мать в известность письменно (наверное, духу не хватило сказать ей это в глаза). Так они остались одни. Когда у женщины в паспорте появился штамп о разводе, она усадила сына на старенький диван, обняла, прижала к себе и прошептала:

– Сегодня на суде я отказалась от алиментов. Не хочу иметь с этим человеком ничего общего. Он предал нас, понимаешь? А предателей не прощают.

Ивашов тогда мало понимал, что такое алименты. Его удивило, что лучшая подруга матери, тетя Света, каланча с соломенными волосами, возмущенно выговаривала ей:

– Ну и дура! Хочешь, чтобы он все тратил на свою Викусю? По-прежнему будешь горбатиться на две ставки? Кому ты что этим доказала?

Мать качала головой:

– Пусть так, но мне будет спокойнее. Единственное мое желание – никогда больше о нем не слышать. Я запретила ему приближаться к сыну.

– Ну и дура! – повторяла каланча. – Им только этого и надо!

Совсем не слышать об отце не получалось. Общие знакомые рассказывали, что после университета он не вернулся в милицию, устроился в адвокатуру – и дела пошли в гору. Ставший адвокатом на развалинах Союза, он защищал всех без разбора, в том числе и криминалитет, и заработал неплохие деньги. Правда, его любимая Викуся сбежала от мужа, вечно якшавшегося с бандитами, но, похоже, он не горевал, меняя женщин, как перчатки. О сыне Ивашов-старший тоже не беспокоился, а мальчик ждал, что, вопреки запрету мамы, отец подкараулит его в школе, как делали некоторые родители, поведет гулять, подарит дорогую игрушку – он же теперь богатый! Но чуда не произошло, и Сережа вычеркнул его из своей жизни.

Самое паршивое, что он тоже хотел стать юристом, а после университета пошел в адвокаты, потому что ему нравилась эта специальность. Как назло, фамилию отца он стал слышать чаще. Его свадьбу – отец женился на молодой красивой модели Анфисе – показывали по местному телевидению. А для его сына в жизни богатого адвоката места по-прежнему не находилось. Полгода назад умерла мать от сердечного приступа, всего лишь пятьдесят три года – жить да жить. Но перенесенные страдания сыграли свою роль. Похоронив единственного близкого человека, Сергей еще больше ополчился на отца. Это он виноват во всем! Нет, никуда он не пойдет...

Подумав об этом, Ивашов включил зажигание и поехал в кафе против своей воли. Отец ждал его у входа, высокий представительный мужчина в отглаженных черных брюках и белой рубашке с коротким рукавом. Сергей много раз видел его по местному телевидению и всегда поражался, как ему в пятьдесят шесть удавалось выглядеть на тридцать восемь. Гладкая кожа на лице, без предательских морщинок, пшеничные волосы, лишь немного посеребренные сединой, спортивная фигура без лишнего жира... Хорошая богатая жизнь помогала в этом отцу, не то что его несчастной матери!

Сергей нехотя вышел из машины, и Ивашов-старший бросился к нему, распахивая объятия:

– Здравствуй, сынок!

Сергей отстранился от него:

– Давайте без сантиментов.

Ивашов-старший засуетился, заволновался, побледнел:

– Да-да, конечно, сынок. Пойдем, пойдем, дорогой. – Его рука поднялась, словно он хотел похлопать Сергея по плечу, но тут же опустилась. Сын не желал принимать дружеские объятия. – Я заказал столик. Посидим, поговорим... Мне столько надо рассказать тебе...

Юркий менеджер, увидев гостей, засуетился:

– Ваш столик у окна, Олег Григорьевич.

– Это мой сын, будущий известный адвокат, – сказал Ивашов и тут же стушевался под грозным взглядом Сергея.

Менеджер послал молодому человеку самую приветливую улыбку:

– Мы очень рады вашему папе. С сегодняшнего дня и вы наш VIP-клиент.

– Давайте без фанатизма, – оборвал его Ивашов-младший. – Будьте проще – и к вам потянутся люди.

Менеджер скривился, будто проглотил ложку касторки.

– Разве я сказал что-то обидное? – произнес он.

Ивашов-старший поспешил исправить неловкость:

– Нет, Денис, все прекрасно. Сын не любит публичность. Впрочем, в его возрасте я ее тоже не любил.

«В моем возрасте ты о ней еще и не мечтал», – хотел съязвить парень, но передумал. Они подошли к столику, накрытому выглаженной белоснежной скатертью. Белизной сверкали и приборы, и салфетки. Отец уселся за стол и подождал, пока его сын сделает то же самое. Весь вид Сергея говорил о том, что ему крайне неприятно это свидание. Разумеется, Олег Григорьевич это заметил, но старался не показывать виду.

– Выбирай любое блюдо, на цены не смотри, – напутствовал он сына. – Я тебя угощаю.

– Кажется, я дал понять, что мне не нравится благотворительность, – буркнул Ивашов. – Пожалуй, минеральной воды с лимоном будет достаточно.

– Сережа! – укоризненно отозвался Ивашов-старший. – Ну давай хотя бы раз забудем об обидах. Я знаю, что очень виноват перед тобой и перед твоей матерью. И знаю о ее смерти. Кое о чем Галя так и не узнала. Видишь ли, несмотря на ее запрет видеться с тобой, я часто подходил к школе, где ты учился, к университету и наблюдал, как ты взрослеешь. Я не такой плохой, как тебе кажется, хотя заслуживаю твоего презрения. Но, прошу тебя, выслушай меня. Мне, как никогда, требуется твоя помощь. Выслушаешь – а потом поступай как знаешь.

Сергей вздохнул и огляделся. За столиком, находившимся возле сцены, компания из десяти человек что-то бурно отмечала. Вероятно, для них громко включили музыку, и она била по барабанным перепонкам, раздражая и мешая сосредоточиться. Откуда ни возьмись появился аниматор в пошлом костюме Микки-Мауса и стал крутиться не только возле компании, но и около других столов, в том числе и их. Официант принес бокалы на тонких ножках, слегка запотевшие, и отец виновато посмотрел на Сергея:

– Извини, но я заказал шампанское. Сегодняшний день – не для минеральной воды.

– Вы решили, что я буду с вами пить? – усмехнулся Ивашов-младший. – Значит, поговорились. Говорите, что вам от меня нужно, и я пошел. У меня еще дел по горло.

Аниматор крутился возле них, будто стараясь подслушать, о чем они говорят, и Олег Григорьевич торопливо зашептал:

– Подожди, сейчас он уйдет, и я все скажу.

Микки-Маус удалился, размахивая руками, Олег Григорьевич взял бокал за тонкую ножку и, приглядываясь к золотистому цвету шампанского, произнес:

– Давай все же выпьем. Ты расслабишься и выслушаешь меня. А сейчас у тебя такой вид, будто я посадил тебя в клетку с тиграми.

– Я же сказал: пить не буду, – повторил Сергей. – Хочешь – говори, не хочешь – я уйду.

– Хорошо. – Ивашов-старший поставил бокал и потянулся к сыну, но тут зазвучала восточная музыка, и откуда-то выпорхнула девушка в восточном костюме, прекрасная, как

героиня сказок «Тысяча и одна ночь», и, подскочив к столику отца и сына, начала умопомрачительный танец живота. Микки-Маус старался повторять ее движения. Девушка была так хороша, что на минуту Сергей забыл о ненависти к отцу и восхищался каждым ее движением. Когда музыка внезапно оборвалась и прекрасная Шахерезада скрылась за кулисами, он повернулся к отцу.

– Ну, я тебя слушаю.

– Сережа, несмотря на все, что произошло, ближе, чем ты, у меня нет человека, – начал Ивашов-старший. – Если со мной что-то случится, я не хочу оставить тебя ни с чем.

– Ах, вот оно что... – Сергей встал так резко, что на столе звякнули приборы. – Дорогой так называемый папа, вы не знали меня восемнадцать лет, и я от этого не умер, хотя только с годами понял, как была права мама, не желавшая нашего общения. Вы предали нас, а предательство – страшный грех. Теперь вы хотите купить мое расположение, но мне ваши деньги не нужны. Оставьте наследство очередной жене, которая ради него и вышла за вас. Я же не возьму ни копейки.

Отец покраснел и нервно скомкал салфетку.

– Сережа, ты не дал мне сказать, – запинаясь, выдавил он. – Дело не только в наследстве... Я хотел поделиться с тобой...

– Не надо, умоляю, – Ивашов открыл бумажник и бросил на стол пятитысячную купюру. – Сегодня я угощаю. Прощайте. Вы поняли? Именно прощайте, а не до свидания.

– Сережа... – отец порывался встать, но назойливый Микки-Маус усадил его обратно. Покидая зал кафе, молодой человек увидел, что Ивашов-старший дрожащими руками поднял бокал и поднес ко рту.

Оказавшись у машины, он нервно открыл дверцу и забрался на водительское сиденье. Его так трясло от гнева, что он не решился сразу включить зажигание. В таком состоянии нельзя ехать, необходимо хотя бы немного успокоиться. Сергей сжал кулаки так, что хрустнули суставы, и тихо выругался:

– Негодяй. Какой же негодяй!

Истошные крики словно перебили его мысли, непрошеными гостями влетели в салон, и Ивашов, подняв глаза, увидел, как из ресторана выбегают испуганные люди. Толпа вытолкнула на улицу и менеджера, державшего мобильный возле уха и старавшегося перекричать людей:

– «Скорая»? Приезжайте скорее. Одному из наших посетителей плохо.

Позже Сергей не мог объяснить, почему он сразу понял, что «Скорую» вызывают его отцу: всего несколько минут назад мужчина был вполне здоров. Какая-то сила будто подняла Сергея, вынесла из салона и подтолкнула к ресторану. Менеджер смотрел на него глазами, расширившимися от ужаса:

– Ваш отец! Ему внезапно стало плохо.

Молодой человек, как вихрь, влетел в зал и подбежал к столику, за которым еще недавно сидел с ненавистным ему человеком. Отец лежал на полу, на посиневшем лице застыло страдание, скрюченные пальцы словно продолжали царапать ковер, а на фиолетовых губах белела пена.

– Отец! – Сергей наклонился над ним, потряс за плечи, потом приложил палец к артерии на шее. Пульса не было. Менеджер топтался возле них, наблюдая за каждым движением.

– Где «Скорая»? – спросил молодой человек и вдруг заорал, не узнавая своего голоса: – Почему так долго?

Глава 3

Вознесенск, 1965

Следователь Геннадий Беспальцев, высокий худой мужчина с пронзительными серыми глазами, лучшие оперативники отделения – Максим Вдовин, блондин лет тридцати с круглым румяным лицом и волнистыми золотистыми волосами, чем-то напоминавший Есенина, но стихи его не любивший и злившийся, когда ему указывали на это сходство, Андрей Горемыкин, крепкий мужичок средних лет, уже начавший лысеть, и пожилой седой судмедэксперт Дмитрий Степанович Панков, которого все называли не иначе как Степаныч, склонились над трупом часовщика.

– Что ж, труп пожилого мужчины, – констатировал Степаныч, глядя на потерпевшего, и повернул голову покойника. – Смотри, Гена, на лице гематомы. Но это еще не все. Поглядите-ка сюда. – Длинным худым пальцем он указал на запястья с довольно заметными потемневшими пятнами. – Не иначе как следы от веревки.

– И не только, – перебил его Беспальцев, кивнув на вздувшиеся красные волдыри. – Это ожоги, правильно, Степаныч?

Судмедэксперт усмехнулся и почесал седую гриву. Горемыкин посмотрел на старика с завистью: вот как бывает в жизни, ему уже за шестьдесят, а волосы густые, как у мальчишки, только белые. А ему едва стукнул сороковник – и уже не голова, а колено!

– Верно говоришь, – кивнул Панков. – Общение со мной тебя многому научило. Может, и вывод сам сделаешь?

– Вывод сделал бы и начинающий следователь, – Геннадий улыбнулся, показав ямочки на щеках. – Часовщика пытали. Судя по тому, что большие никаких следов ты не обнаружил, старик скончался от болевого шока. Шутка ли – такие пытки в его возрасте! Тут и у молодого сердечко может не выдержать. А вот кому и зачем понадобилось мучить Гольдберга и что хотели узнать – вот в чем вопрос, как сказал когда-то Гамлет.

– От ответов на подобные вопросы меня уволь. – Степаныч, кряхтя, поднялся с колен. – Это уже в твоей компетенции.

– Разумеется, – согласился Беспальцев. – Если что-то подбросишь после вскрытия – спасибо.

– Буду стараться. – Панков направился к выходу, чтобы вызвать санитаров. Вдовин, упаковав в целлофановый пакет пустой граненый стакан, который сиротливо стоял на столе, протянул его Степанычу, коротко бросив на ходу:

– Я в погреб. Уверен, обнаружу что-то интересное.

– Давай. – Геннадий уселся за стол и попросил Горемыкина пригласить соседку, обнаружившую тело, которая сидела на крыльце блее мела и, казалось, не понимала, что происходит.

Андрей помог пожилой даме подняться, под руку завел в гостиную и, усадив перед следователем обезумевшую от горя и ужаса женщину, сунул ей стакан с водой, пытаясь успокоить. Эмилия Ефимовна продолжала дрожать, и зубы клацали о стекло, издавая звук, бьющий по нервам.

– Значит, вы давно с ним знакомы... – Беспальцев скорее уточнил, чем спросил. Соседка отставила стакан, вытерла губы тыльной стороной ладони и с готовностью кивнула:

– А как же? Считаю, больше двадцати лет на одной улице живем. Раньше с моим покойником-мужем общался. Моисей Григорьевич – человек одинокий, бедняжка, ни жены, ни детей, один как перст. – Женщина всхлипнула, и слеза, покотившаяся по щеке, застряла в глубокой морщине. – Частенько к нам наведывался чайку попить... А как муж умер... Реже мы стали

видеться, сами понимаете, – она опустила глаза. – Я в основном к нему забежала... Сын у меня отдельно живет, внучка растет, уже четырнадцать ей, такой возраст, когда мальчикам нравиться хочется. Сын у меня не много зарабатывает, кто ж, кроме бабушки, дитя еще побалуует? Как придет, сразу в магазин идем. Бывает, и платьице купим.

Геннадий недовольно поморщился и открыл рот, собираясь перебить свидетельницу. Он не любил беседовать с пожилыми одинокими женщинами, которые набрасывались на него с рассказами, воспоминаниями, забывая, что милиционер пришел по другому поводу, и их приходилось останавливать, просить быть ближе к делу, а они обижались и порой замолкали, упрямо поджав губы. И никто не хотел понять, что у следователя времени в обрез, он стремится как можно больше выяснить и записать, чтобы потом обстоятельно доложить начальству. Ну нет у него возможности выслушивать о внуках и детях! Хорошо еще о внуках и детях – некоторые о собаках и кошках рассказывают, считая, что все это важно для следствия. Впрочем, с Эмилией Ефимовной ему повезло. Она махнула рукой и сама понеслась в правильном направлении.

– Я вам это к тому говорю, чтобы вы поняли: частенько у Моисея Григорьевича мне приходилось денежку просить, – проговорила женщина и покраснела. – Бывало, внучка должна приехать, а от пенсии почти ничего не осталось. Гольдберг, между прочим, мне никогда не отказывал. Да разве я одна была такая? – Эмилия Ефимовна усмехнулась. – Весь наш район знал: у Моисея Григорьевича деньги всегда водятся. Часовичики – они же вроде ювелиров.

Беспальцев придвинул к себе девственно-чистый лист бумаги и открыл колпачок чернильной ручки.

– Значит, много народу к нему ходило, – констатировал он. – А чужие, не ваши соседи, часто навещали?

Эмилия Ефимовна подняла глаза кверху, будто вспоминая, и замотала головой:

– Были, были. Правда, мы, то есть соседи, к ним особо не приглядывались. Думали – клиенты, Гольдберг как специалист был человек известный.

– А случалось, что он с этими клиентами долго засиживался? – Беспальцев хотел было сунуть ручку в рот и немного погрызть (от этой привычки его пыталась отучить не только жена, но и коллеги по работе), но опомнился и поспешил задать следующий вопрос: – Может быть, выпивали, шумели? Может быть, кто-то кричал, угрожал ему?

Он не надеялся на дельный ответ. Судя по всему, Гольдберг был человеком интеллигентным, спокойным, неконфликтным и, главное, мастером своего дела. Вряд ли из его дома хотя бы раз доносились крики и летели угрозы.

– До вчерашнего вечера все как обычно было, – ответила соседка и поправила серый платок на голове. – А вот вчера из дома доносились громкие голоса... Ну знаете, такое бывает, когда люди спорят. Один голос я сразу узнала – Моисея Григорьевича. А второй голос... Такой громкий, грубый... Никогда его раньше не слышала.

– И долго они спорили? – Следователь черкнул показания на бумаге. Эмилия Ефимовна покачала головой:

– Да не скажу, что долго. Я сама удивилась. Пошумели минут пять, вернее, гость шумел, а Моисей Григорьевич как раз говорил довольно спокойно. Никогда не видела, чтобы из себя выходил, и в этот раз был себе верен. В общем, поспорили – и тишина. Знаете, будто разом что-то оборвалось.

– Не захотелось в окно посмотреть? – поинтересовался Геннадий. – Сами сказали – до вчерашнего вечера подобных разговоров в доме часовичика не было.

Пожилая женщина залилась краской, словно ее уличили в чем-то нехорошем:

– Посмотрела, было дело. К сожалению, никого не увидела, только тень темная мелькнула. Рада бы вам помочь, да, – она беспомощно развела руками, – больше ничегошеньки не знаю.

– Огромное вам спасибо. – Беспальцев встал, давая понять, что разговор окончен, и заметил, как женщина обрадовалась, бодро встала со стула. – У меня к вам огромная просьба: если что-то вспомните – позвоните или зайдите в отделение милиции.

– Обязательно, – с чувством сказала Эмилия Ефимовна и быстро пошла к своему дому. Следователь повернулся к показавшемуся на пороге Вдовину:

– Ну что удалось обнаружить?

– Открытый тайник и уйму отпечатков пальцев, – отозвался оперативник. – Пусть эксперты над ними поколдуют. Может, и хозяев пальчиков отыщут, нам легче будет.

– Значит, тайник. – Беспальцев вытащил из кармана начатую пачку сигарет, вспомнив, что давно обещал жене бросить. Ну не получается бросить с этой работой! Когда видишь кровь, страдания, смерть, рука поневоле тянется в карман, к припрятанной пачке. Вот выйдет на пенсию, станет работать на отцовской даче – и на свежем воздухе, глядишь, и забудет про курево. Он бросил взгляд на Максима, будто ожидавшего от него ответа, и повторил: – Значит, тайник. Интересно, что такого Гольдберг там прятал? Стоило ли оно человеческой жизни? И... – Геннадий собирался еще что-то добавить, но его прервали громкие рыдания.

Он оглянулся и увидел красивую женщину лет тридцати, стройную, черноволосую, с тонким носом и пухлыми губами. Горбинка на носу ее несколько не портила, наоборот, придавала пикантность интеллигентному смуглому лицу. Она громко плакала и размазывала слезы, а высокий мужчина, чуть старше ее, гладил женщину по плечу, пытаясь успокоить. Незнакомка оттолкнула его руку и подошла к Беспальцеву:

– Вы следователь?

Беспальцев отметил про себя, что вежливые люди, вообще-то, сначала здороваются, но в миндалевидных глазах молодой женщины застыло такое страдание, что он ответил без участия:

– Да, это я. А кто вы?

– Я племянница Моисея Григорьевича, единственный родной ему человек, – вздохнула она и всхлинула. – Вам, наверное, нужны мои документы? Вот, пожалуйста, паспорт. Я Софья Иосифовна Гурова. Это мой супруг, Андрей Иванович Гуров. Андрюша, ты тоже дай свой паспорт, – попросила Софья мужа, и он с готовностью стал рыться в старом кожаном портфеле.

Геннадий бегло просмотрел их документы. Впрочем, он и так видел, что супруги его не обманывают. Отметив, что Софья в жизни гораздо красивее, чем на черно-белой фотографии в паспорте, следователь вернул документы и помог убитой горем женщине пройти в дом. Она пугливо озиралась по сторонам, словно пойманная в силки птица.

– А где дядя? Мне кажется, я не выдержу, если увижу его тело.

– Сонечка, успокойся, – супруг крутился возле нее, и его нарочитая забота показалась Беспальцеву какой-то фальшивой. – Возьми себя в руки. Товарищ следователь задаст тебе вопросы.

Соня прижала руки к пылающим вискам:

– Скажите, его действительно убили? Эмилия Ефимовна ничего не перепутала?

Геннадий взглянул в ее влажные черные глаза – два бездонных озера.

– Я рад бы ответить вам отрицательно, но ваша соседка ничего не перепутала. Ваш дядя действительно убит.

Она так сжала пальцы, что хрустнули суставы.

– Но кто это сделал? – Софья тряхнула головой. – Кто мог желать его смерти? Товарищ следователь, вы, конечно, спросите меня об этом, и я отвечу вам: «Не знаю». Его все любили. Дядя был порядочным, скромным, отзывчивым... Меня любил как родную дочь... Моя мама – его родная сестра – умерла несколько лет назад, и тогда дядя купил мне дом на соседней улице, чтобы я могла как можно чаще к нему приходить. Мы виделись почти каждый

день. Я пекла для него творожный торт, который он так любил, – ее передернуло, будто от удара электрического тока. – Все это проклятое прошедшее время! Мне не верится, что мы с ним никогда больше... – она снова принялась плакать, а растерянный Андрей стоял возле нее, смущенно разглядывая свои ботинки, слегка забрызганные грязью.

– Прошу вас, пожалуйста, успокойтесь, – Беспальцев дотронулся до ее холодной руки. – Мне действительно нужно задать вам несколько вопросов. Прежде всего внимательно осмотрите комнаты. Может быть, за время вашего отсутствия что-то пропало?

Женщина неимоверным усилием взяла себя в руки и огляделась.

– Часы! – вскрикнула она и рванулась к старому черному пианино. – Здесь стояли часы... Знаете, такие большие, сделанные из дорогого материала, кажется, слоновой кости... Дядя говорил, что они очень дорогие. А еще он говорил... – Софья бросила взгляд на Андрея, будто собиралась сказать что-то для него неприятное.

– Говори, говори, Сонечка, – разрешил супруг и, видя, что жена колеблется, сам вклинился в разговор. – Видите ли, мне кажется, старик не очень меня любил. Я не делал ему ничего плохого, наоборот, бежал сюда по первому его требованию. А он все равно порой выражал свое недовольство. Наверное, это обычная ревность, – он попытался улыбнуться. – Дяде хотелось, чтобы Сонечка возилась только с ним. Знаете, чем старше становятся люди...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.